

Живет в Москве (Россия).

* * *

В каждом плафоне сидела на лампочке птица,
Брюхо и лапки жгла, мотыльков глотала.
Так освещались в городе три квартала,
Если, конечно, мрак успевал сгуститься.

Мертвецов муровали в полы, потолки поднимали,
По ступеням веками считали число поколений.
Над горизонтом, точно залёжки тюленей,
Темнели стада климатических аномалий.

Спали на голом полу. Детей укрывали.
Подметать запрещалось – мыли. Ковров не стелили.
Дома походили на башни в романском стиле.
Время слонялось в означенном интервале.

Кости куриные в мисках носили цыплятам,
Пахли, как с холода – свежие дикие ели,
Жались по стенам и говорить не умели
Бледные женщины с непонимающим взглядом.

Мужчины украдкой взасос целовали ружья,
В блаженном сонливом мечтательном отупенье
Друг на дружке все твари являли живые ступени,
По воде расползались овалы и полукружья.

Птицы слетали с плафонов, едва рассветало,
Лампочки гасли мгновенно, необъяснимо.
Города не было для проезжавших мимо –
Только три странных оторванных спящих квартала.

* * *

По дереву взбиралась мышь.
Её норку разрыли, перебили детёнышей.
И она лезла прочь от земли,
цепляясь маленькими прозрачными коготками
за наросты коры.
- Какая хватка! – гомонили птицы.
Уставившись в дневное небо
не приспособленными к этому
слезящимися глазками,
она карабкалась к верхушке чужой, нежеланной жизни,
только чтобы не смотреть вниз.
- Добьётся своего! – галдели птицы.

Так мышь почти ослепла
и сделалась летучей.
Прослыла подвижницей эволюции –
первичного искусства,
уступившего было постмодерну науки.
И выяснилось множество причин,
по которым она, засыпая,
повисает головой к земле.

* * *

Осталась одна стена – с подоконником.
Сидя на нём, бесцельно смотрю в окно.
По телефону ответил, казался покойником.
Это, добавил, формально подтверждено.

Я повесила трубку и больше её не видела:
Где был телефонный столик, зацвёл репей.
– Мои – хорошо, – продолжал, – как твои дела?
Пока не исчезла кухня, сходи, попей.

Пила из-под крана. За ножкой его тоненькой
Уже широко и неровно алел горизонт.
Всё на свете как будто держалось неверной тоникой.
– Можешь вернуться. А впрочем, какой резон? –

Продолжал. И правда: во времени и прострации
Осталась одна облупленная стена.
– Буду заглядывать, слышишь? Буду стараться.
Целую, до встречи. И не сиди допоздна.

